

Премия Анны Павловой утверждена Парижской академией танца для награждения лучшей танцовщицы мира и присуждается ежегодно.

Первой балериной Большого театра, удостоенной этой премии, стала Галина Уланова [1958].

Среди лауреатов премии Анны Павловой балерины Большого театра:

Майя Плисецкая [1962].

Екатерина Максимова [1969].

Наталья Бессмертнова [1970].

Людмила Семеняка [1976].

Сегодня мы публикуем высказывания лауреатов премии Анны Павловой.

Анна Павлова.

Святые, подаренные судьбой

Я отношусь к Анне Павловой свято, почтительно и трепетно, как все, наверное, в мире. Но, как у всякого «балетного человека», есть в моей судьбе свои сокровенные факты, с ее именем связанные...

Вместе с Анной Павловой, только несколькими классами позже, учились мои родители. Потом они выступали в ее концертах, бывали с нею в деловых поездках. С той поры, как помню себя, помню и эти мамини рассказы. Вот как давно началась для меня та святость... Конечно, позже она перерастала в огромное желание понять суть недостижимости, непостижимости этой балерины, постичь которую до

конца не дано, пожалуй, никому. Мерцающие хроникальные обрывки кинокадров ее танца — одно из сильнейших потрясений моей жизни.

Ее балетная туфелька, ее веер из страусовых перьев, медаль ее имени, кольцо с ее изображением, сделанное потрясенным французским скульптором Ляликом в 1910 году, воочию увидевшим ее в «Умиравшем лебедь», и наконец память о посылах с едой, да — с едой, присылаемых ею в трудные, далекие, голодные годы нам, детям советского балетного училища, — все это святости Анны Павловой, подаренные мне судьбой.

Галина УЛАНОВА.

Преодолев барьер времени

К актерскому искусству время беспощадно — уходит актер, заканчивается его творческий путь, и никакие воспоминания и фотографии не могут воскресить магию его таланта. И даже неизвестно, кому больше повезло во мнении потомков, — тем, кто не успел сняться в кино, или тем, кого кинематограф успел запечатлеть, а мы, глядя на них, гадаем — и что интересного находили в их исполнении современники?

Иное дело — Анна Павлова! Каждый раз я с неизменным интересом, восхищением, восторгом смотрю на нее, запечатленную на киноленту. А ведь и съемка далеко не совершенная, и возраст уже не молодой... Но она победила время, смену веений и вкусов в балетном искусстве и своим вдохновенным танцем воплотила гениальную пушкинскую строку — «душой исполненный полет».

Я слышала об Анне Павловой от бывшей танцовщицы ее труппы — Тамары Раузер, ставшей в последние годы своей жизни поклонницей и другом Большого балета и посещавшей наши спектакли в Москве, Вене и Брюно. Американский импрессио Соло Юрок рассказывал, что в результате знакомства с искусством Анны Павловой во многих городах США возникли балетные труппы и что в Америке имя Анны Павловой стало символом русской школы классического танца.

И если во всем мире, повсюду, где только есть балетные труппы, с таким волнением и преклонением произносят и сегодня эти два слова — Анна Павлова, — то, видимо, была в ее танце магия, перед которой время оказалось бессильным.

Наталья БЕССМЕРТНОВА.

На снимке: А. Павлова — Аспиччия (балет «Дочь фараона»).

На снимке: А. Павлова в балете «Шопениана».

На снимке: А. Павлова в русском танце.

Прекрасная легенда

Имя Анны Павловой я впервые услышала в Ленинградском хореографическом училище, в том самом знаменитом здании на улице Зодчего Росси, где в последнем десятилетии прошлого века она училась. Здесь же впервые увидела я ее портрет среди знаменитых выпускников Петербургской-Ленинградской школы. Изящно выгнутая шея, божественной лепки ноги, гармонично развитое с удлинненными линиями тело — все в ее облике отвечало представлению об идеальной танцовщице. А глаза? — Конечно, именно такие глаза должны быть у первой исполнительницы «Умиравшего лебедя».

С годами приходило более профессиональное, более серьезное постижение того, чем же была Анна Павлова для русского, для мирового балета. Оно рождалось из кинофрагментов, запечатлевших балерину, из рассказов тех, кто видел ее танцевавшей, и в первую очередь М. Х. Франгопуло — бывшей хранительницей музея Ленинградского хореографического училища.

У Павловой была счастливая творческая судьба — ей было что сказать, и она сумела сказать свое слово в искусстве — интенсивность ее самовыражения поражала современников.

Одухотворенность, гармоничность и значительность — такой увидел и запечатлел Анну Павлову художник В. А. Серов в знаменитой афише первого «русского сезона» в Париже.

Такой вошла и в мою жизнь Анна Павлова — балерина, искусство которой стало прекрасной легендой.

Людмила СЕМЕНЯКА.

Листая страницы альбома

В 1961 году я впервые приехала в Париж. Приехала не танцевать, что было бы закономерно, а по приглашению г-на Моклера, владельца нескольких кинотеатров, на премьеру фильма «СССР с открытым сердцем», в котором я участвовала.

Трое суток — и днем, и ночью — не было времени отдохнуть. И не потому, что нужно было присутствовать на премьере, просто невозможно было упустить этот счастливый случай — посмотреть Париж.

Переводчик оказался пожилым, стройным человеком, любящим и знающим театр. Как-то раз, когда зашел разговор о русском балете, была упомянута Анна Павлова. Кирилл Петрович, как звали переводчика, сказал: «А ведь мой отец работал с Павловой. Он ей многим обязан...». И он принялся рассказывать о гастролях Павловой во Франции и Южной Америке, о ее щедрости, доброте и большой любви к России, ко всему русскому.

Кое-что из того, что он рассказывал, я уже знала, но впервые мне показалось, что образ Анны Павловой из далекой легенды приблизился, она стала для меня живой, и хрестоматийные знания обрели плоть.

В день нашего отъезда Кирилл Петрович принес две книги.

— Это вам... Отец собирал фотографии, хотел сделать альбом, но наклеил только часть. Может быть, когда-нибудь они вам пригодятся.

И вот передо мной этот альбом. Коричневый переплет. На толстые контурные листы наклеены фотографии. На первой же странице четкий зеленоватый оттиск левой руки Анны Павловой с пометкой: «Август 1930. Айви Хауз».

А дальше фотографии, большинство из которых сделано в Монтевидео во время гастролей. Они разные: в кулисах, на сцене, в жизни — дома и на природе.

Костюмы различны, даже манера позирования перед камерой на каждой фотографии иная, но везде одно — присутствие огромной личности, даже тогда, когда Павлова откровенно смотрит в объектив фотоаппарата. Ни на одной фотографии нет ощущения запечатлен-

ного мгновения: везде Павлова позирует, подчас с профессионализмом современной манекенщицы, позирует и чувствует камеру, даже когда сознательно смотрит в сторону. Но столько пластики в ее фигуре, руках, повороте головы, плечах, полуоткрытых губах, что невольно подпадаешь под обаяние великой балерины.

Мне кажется, Анна Павлова любила сниматься и расценивала фотографию как часть продолжения своей работы на сцене.

Если поверить в изречение: «Глаза — зеркало души», то после рассматривания этих снимков — поз, арабесков, игр в различные чувства и настроения — кажется, что везде остается что-то неизменное в ее глазах, какая-то загадочная грустинка. Даже тогда, когда они смеются или негодуют, или кокетливо побликуют, — проскальзывает этот ответ душевной грусти. Может, и впрямь «глаза — зеркало души»?

Но вместе с хрупкостью и утонченной грацией поз, длинными линиями рук, ног, шеи, талии, так приближающей великую балерину к эстетическим понятиям нашего времени, вдруг возникает четкое нарисованный автограф, пересекающий по прямой белый низ фотографии, и тогда вдруг чувствуется, что за хрупкой плотью и грустной душой есть нечто, соединяющее все это вместе и не дающее раствориться, растаять, погнубить, — железная воля, которая подчиняет и душу, и плоть единственно необходимому — танцам.

По мере того, как я листаю альбом, Павлова становится для меня понятнее, но, легенда не исчезает, а, наоборот, ширится и обрастает новыми загадками.

Вот удивительная по изяществу балерина, стоящая на пуантах перед плетеным ящиком, на котором масляной краской написано: «Анна Павлова», — она, улыбаясь, смотрит на меня, а я представляю себе место за кулисами, недалеко от сцены, где она стоит, кокетливо, еле касаясь пальцами крышки ящика, вижу разводы на полу от прежних корзинок, представляю рекавит, который прячется за ситцевой обивкой... Поза ее проста и естес-

венна и вместе с тем что-то особенное, «павловское» присутствует в атмосфере, которая ее окружает. Вот она сидит в кресле, а рядом лежащий лебедь; в построении кадра надуманность, а я смотрю на нее и чувствую, как она раскрепощена и как искренна в этой навязанной ей лжи.

Вот Павлова верхом на верблюде, вот ее маленькая фигурка крошка на фоне огромного сфинкса, вот она в любимом гамаке под деревом у пруда, вот — на лестнице, в широких брюках, на лестнице с тростью, здесь — в мехах, на фоне плывущих лебедей, небрежно опираясь на ту же трость... Везде поза, но какая естественная и непринужденная.

Уже позже, посмотрев фильм (куски, отснятые во время ее гастролей), я поразились органике и свободе, с которой танцевала Павлова. И опять легенда не исчезла, но она перестала быть отвлеченной, ибо речь шла о человеке, о реальной балерине, необыкновенно талантливой, может быть, гениальной, отобразившей мир чувств, которые ее волновали, и главное — заразившей своими чувствами всех, видевших ее.

Сейчас, когда мне приходится танцевать в различных частях света, я всюду встречаю следы, оставленные этой непревзойденной балериной в умах и сердцах людей, не только знавших ее, но и слышавших рассказы и легенды о ней.

Анна Павлова продолжает жить сейчас в каждой талантливой балерине современности, потому что их талант сопоставляется и будет сопоставляться долгие годы с великой русской балериной, танцовщицей, хореографом, художником своих постановок.

Я закрываю альбом и бережно ставлю на книжную полку — дар человека, которого сейчас нет в живых, но любовь которого к Анне Павловой сохранилась и постоянно присутствует на пожелтевших страницах контурной книги.

Екатерина МАКСИМОВА.

ЛЕБЕДЬ РУССКОГО БАЛЕТА

«Вас удивляет, почему столько знаменитых танцовщиц вышло из России и почему балетное искусство расцвело на моей родине?.. Они отдаются танцу без остатка, всем своим существом... «Секрет» моего успеха в искренности, в стремлении подчинить физические элементы танца психологической концепции», — так объяснила причину своей поистине легендарной популярности великая балерина нашего столетия Анна Павлова.

«Секрет» успеха заключался и в том, что актриса глубоко, как никто другой, выразила «психологические концепции» времени, в каждом образе, в каждом новом танце раскрывая трагическую неустойчивость идеала своей эпохи.

Анна Павлова родилась в Петербурге. Ее первые шаги в искусстве связаны с Петербургской балетной школой (1891—1899), а затем с труппой Мариинского театра. Строгая выучка под руководством рьяных приверженцев академической школы А. Облакова, Е. Вазем, П. Гердта на всю жизнь сделали Павлову сторонницей классического танца.

Удлиненные линии тела, маленькая голова на изящно выгнутой шее, лицо, отмеченное печатью вдохновения, индивидуальность, легковозбудимая, чуткая к приемам стиля, к капризам творческой мысли, — все делало Павлову идеалом танцовщицы. Но танцовщицы романтической.

Однако в нервном, зыбко-бесплотном танце Павловой не было той отрешенности, того покоя, который столь свойствен героиням XIX века. Она танцевала — и говорила о неслыханных надеждах, о неизбежной тоске по утраченной гармонии, а в ее образах угадывалась тревога современной жизни. Так сложился ин-

дивидуальный исполнительский стиль балерины — в естественном, органическом синтезе строгости академического танца с щемящей романтической лирикой и новыми пластическими интонациями, повествующими о человеке начала XX века.

Поиски новых выразительных средств и новых форм танца сблизил Павлову с хореографом-новатором М. М. Фокиным. Их творческий союз дал русскому балету бессмертную «Шопениану» — ностальгическое воспоминание о романтическом искусстве — и знаменитого «Умиравшего лебедя». Но прошло время, и пути двух крупнейших мастеров балетной сцены разошлись. С 1908 года начались гастрольные Павловой за рубежом, а немного позже она стала участницей «Русских сезонов» С. П. Дягилева в Париже. В 1914 году Павлова навсегда покинула Россию. Ее выступления в разных странах, разных городах мира принесли легендарную славу русскому балету, убеждали в содержательности и значимости, в вечной молодости классического танца. Зарубежная пресса восторженно писала: «Павлова — это во всех странах Нового и Старого Света уже не только фамилия, а название эпохи искусства».

Великая балерина умерла в Гааге, не дожив до пятидесяти лет. Ее последними словами были: «Приготовьте мне костюм лебедя».

«Чайкой» русской драматической сцены вошла в историю России Вера Комиссаржевская. «Лебедем» русского балета, его поэтическим символом стала Анна Павлова. Великий гений двух актрис поведал миру о времени и о себе».

Н. ЧЕРНОВА.

кандидат искусствоведения.